

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ**

ЕВГЕНИЯ и АНТОН ГРАНОВСКИЕ

ПОРТРЕТ-ПРИЗРАК

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован
городской пейзаж «Мариинский проезд» (2017 г.)
художника *Олега Ильдюкова*

Грановская, Евгения.

Г75 Портрет-призрак / Евгения и Антон Грановские. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-699-98146-5

Журналистка Марго Ленская не удивилась, увидев на своем пороге курьера, — она недавно развелась с мужем-художником, который должен был передать оставшиеся у него вещи. Однако вместо них она получила какую-то картину.. Марго решила вернуть ее своему бывшему, но, не дождавшись встречи, продала первому встречному за сто долларов. А придя домой, обнаружила, что в квартире побывали незваные гости и перевернули все вверх дном...

Оказалось, посылка предназначалась вовсе не Марго и это не картина ее мужа, а неизвестный портрет Ахматовой работы Модильяни, написанный в начале XX века и пропавший при весьма мистических обстоятельствах. Как она могла своими руками отдать его незнакомцу?! Что ж, Марго постарается исправить свою ошибку и найти полотно. Но для этого ей надо опередить опасных конкурентов. Они гораздо лучше знают историю его создания...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Грановская Е., Грановский А., 2017
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-98146-5

ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

СТРАННЫЙ ХУДОЖНИК

Париж, июнь 1910 года

1

Николай закурил папиросу и, выпустив дым, сказал:

— Ты обратила внимание, как здешние мужчины смотрят на тебя? Ты производишь настоящий фурор. Один франт, по виду — успешный стряпчий, сказал тебе вслед: «Она похожа на пантеру!»

Анна взглянула в окно кафе на проходящих мимо людей и пожала плечами:

— Может быть. Я не обращаю внимания. А ты что, ревнуешь?

— С какой стати? Мне льстит, что моя жена нравится мужчинам. Вот если бы кто-нибудь из них позволил себе грубость, я бы содрал с него шкуру живьем.

Анна прищурила глаза и вновь посмотрела в окно. На улице какой-то мужчина, довольно потасканный с виду, флиртует с торговкой цветами — совсем еще юной, белокурой девушкой.

— И все же здешние мужчины слишком раскованны, — сказала Анна. — И мне от этого немного не по себе.

— Что делать. Ты красивая женщина, и от мужских взглядов тебе никуда не деться.

— Я вовсе не красивая, и ты это знаешь. Моя внешность далека от модных канонов. Просто я иностранка. Экзотика в некотором роде.

— Именно за это я тебя и полюбил, — засмеялся Николай. — Ты ведь знаешь, как я отношусь к экзотике!

Он взял ее руку и быстро поднес к губам. Анна посмотрела на него задумчивым взглядом.

— Коля, в этом сером Париже я умираю от скуки, — сказала она.

Николай взглянул на молодую жену удивленно.

— Тебе не кажется, что это звучит дико? — сказал он. — Умереть от скуки в Париже!

Анна вздохнула:

— Ты целые дни бегаешь по музеям, а я сижу в четырех стенах. Как какая-нибудь пленница.

— Я предлагал тебе ходить со мною.

Анна поморщилась:

— Ты же знаешь, я этого не выношу. От музеев у меня делается мигрень. — Анна отпила вина, подперла щеку кулаком и грустно посмотрела на мужа. — Сижу одна и грущу. Может, завести черепаху? Она станет ползать, а я смотреть. Все-таки развлечение.

— Не говори ерунды, — проговорил Николай. — Мы почти каждый день ходим в театры и рестораны.

Анна хмыкнула.

— Ну, уж и каждый день. Всего два раза были.

— Неправда. Три.

Анна улыбнулась — сдержанно, как всегда.

— И все равно мне одиноко, — сказала она. — Ты добивался меня несколько лет, брал приступом, как

крепость. Теперь я вижу тебя не больше часа в день. А ведь у нас медовый месяц. Пока я была невестой, мы виделись гораздо чаще. Что происходит, Коля?

Николай стряхнул с папиросы пепел и усмехнулся:

— Это называется браком.

Анна грустно покачала головой.

— Не удивлюсь, если по возвращении в Петербург ты снова умчишься в свою любимую Африку. А я буду жить соломенной вдовой.

Николай накрыл ладонью руку жены.

— Не умчусь, — мягко сказал он. — Теперь ты — моя Африка и Америка.

Он хотел еще что-то добавить, но в этот момент перед столом остановился высокий красивый блондин в светлом костюме.

— Николай Степанович? Гумилев! — удивленно проговорил он. — Вы ли это?

Николай посмотрел на блондина и вдруг возбужденно воскликнул:

— Андрей? Линьков? Какая встреча!

Гумилев вскочил со стула, и мужчины крепко обнялись. Люди за соседними столиками стали на них оглядываться, но Гумилев и блондин не обращали на них никакого внимания.

— Сколько лет, сколько зим! — восторженно воскликнул Гумилев. — Чертовски рад тебя видеть!

Блондин перевел взгляд на Анну.

— Ты представишь меня? — проговорил он, учтиво улыбнувшись.

— Да, конечно. Аня, познакомься — это поручик Андрей Иванович Линьков. Мой старый друг. Он

отличный офицер и просто хороший человек. Мы с ним вместе охотились на львов в Африке.

— Очень приятно, — сказала Анна.

— А это Анна Андреевна, моя жена, — отрекомендовал Гумилев.

Линьков поцеловал даме руку.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, — проговорил он мягким, красивым баритоном.

«Вероятно, он очень хорошо поет», — подумала, слушая этот голос, Анна.

Гумилев усадил старого друга за стол и потребовал у официанта еще один бокал. Когда бокал был принесен, Николай Степанович наполнил его вином и протянул Линькову.

Тот принял, поклонился.

— За вас, Анна Андреевна! — провозгласил Линьков и сделал большой глоток.

«А он забавный, — подумала Анна. — Похож на американского ковбоя. Было бы здорово обрядить его в сапоги и шляпу!» Линьков заметил улыбку Анны и улыбнулся в ответ.

— Давно ли вы в Париже? — поинтересовался он.

— Несколько дней, — ответил Гумилев.

— В эту пору здесь очень хорошо, — сказал Линьков, обращаясь к супругам. — Еще не наступила изматывающая жара. Правда, через день идут дожди, но не нам, петербуржцам, жаловаться на погоду.

— Это верно, — кивнул Гумилев. — Ну, рассказывай, где ты, что ты?

— Получил наследство и вышел в отставку, — ответил Линьков. — Сейчас веду дела с одним американцем.

«Угадала!» — подумала Анна.

— Что за дела? — поинтересовался Гумилев.

— Тебе это будет неинтересно.

— И все же?

Линьков слегка стушевался.

— Мы изготавливаем кое-какие вещи... для дамского гардероба, — сказал он. — Не стоит об этом. Ну, а ты? Осуществил свое большое путешествие по Азии и Африке?

Гумилев покачал головой:

— Еще нет. Но собираюсь. Кстати, я бы не отказался от хорошего товарища и надежного компаньона. Не желаешь поехать со мной?

Линьков вежливо улыбнулся:

— Коля, я бы с радостью, но я теперь деловой человек. Каждый день расписан по часам. Вот только на три дня и сумел вырваться в Париж.

— А что у тебя здесь?

— Оформлял кое-какие бумаги, касающиеся наследства, — уклончиво ответил Линьков. — Бюрократия процветает не только в России.

— Это точно, — кивнул Гумилев. Он взглянул на часы и нахмурился. — О черт!

— Ты спешишь?

Николай взглянул на бледное лицо жены и чуть покраснел.

— Видишь ли... У меня назначена встреча с одним профессором этнографии. Мы встречаемся в антропологическом музее, и... Анна выразила желание пойти со мной.

— Что это ты выдумал? — вскинула брови Анна. — Я согласна прыгнуть за тобой в бездну и вска-

рабкаться на спину дикому слону, но в музей ты меня не затащишь никакими силками.

Николай перевел взгляд на Линькова и пожал плечами.

— Вот так всегда, — проговорил он с досадой. — А потом она жалуется, что я никуда ее с собой не беру.

— Когда я говорю так, то имею в виду совсем другое, и ты это знаешь, — сказала Анна.

Гумилев смутился, но в эту секунду старый товарищ пришел ему на помощь.

— Анна Андреевна, я сегодня устроил себе выходной, — сказал он. — Решил погулять по городу. И если вы и ваш супруг согласны, буду рад совершить эту прогулку вместе с вами.

— В самом деле? — оживился Николай.

— Конечно.

Гумилев перевел взгляд на жену.

— Аня, как тебе такое предложение?

Анна посмотрела на мужа и чуть прищурила серые глаза:

— И ты действительно не против?

— Конечно! — заверил ее Гумилев. — Мы приехали в Париж за удовольствиями. Вот и бери их. И потом, должен же кто-то показать тебе Париж! — Гумилев перевел насмешливый взгляд на Линькова. — Смотри, Андрей, поручаю тебе свою жену и надеюсь, что ты вернешь мне ее в целости и сохранности.

— Я позабочусь о том, чтобы она не скучала, — пообещал Линьков. — Клянусь честью офицера и охотника на львов!

Мужчины засмеялись.

— Честное слово, жаль, что ты стал дельцом! — весело проговорил Гумилев. — Ну, да это жизнь. Встретимся вечером!

Он поднялся из-за стола, поцеловал Анну в щеку, пожал Линькову руку и стремительно зашагал к выходу.

2

Линьков проводил его взглядом до двери и повернулся к Анне.

— Неугомонная натура, — сказал он.

— О да, — улыбнулась Анна.

Несколько секунд они молчали. Анна осторожно разулась под столом. Туфли были новые и жали невероятно.

Разувшись, она облегченно вздохнула. Восприняв это как сигнал к началу беседы, Линьков сказал:

— Париж — прекрасный город. И он совершенно не похож на Петербург.

— Я еще не успела как следует с ним ознакомиться, — сказала Анна. — Но думаю, что с вашей помощью я... — Внезапно она осеклась и пристально посмотрела на что-то за спиной у Линькова. — Андрей Иванович, — снова заговорила она, слегка понизив голос, — вы не знаете, что за странные мужчины сидят за дальним столиком?

Линьков повернул голову и, не смущаясь, взглянул на трех молодых людей, распивающих вино в самом темном углу кафе.

— Это художники, — сказал он.

— Художники, — тихим эхом отозвалась Анна. — Я в Париже уже несколько дней, но художников вижу впервые.

Линьков пожал плечами:

— Это странно, поскольку здесь они встречаются на каждом шагу. Некоторые из них известны, но в основном это шантрапа всех национальностей. Вон тот, маленький, с черными пронзительными глазами, самый знаменитый. В Париже его любят и ценят, а его картины неплохо продаются по всему миру.

— Как его зовут?

— Пабло Пикассо.

— Я о нем слышала. А тот, что рядом с ним?

— Этот? — Линьков усмехнулся. — Утрилло. Горький пропойца. Рисует только парижские пейзажи. Забавный малый. Часто забывает подписывать картины, а потом, как проспится, не может с точностью сказать, какую из картин написал сам, а какую — его приятель из подворотни.

Анна поджала губы.

— Мне кажется, это страшно, — медленно проговорила она.

Линьков тут же стер улыбку с лица.

— Вы правы, — согласился он. — Эти ребята совсем себя не жалеют. Я слышал, что многие из них балуются кокаином и гашишем. Неудивительно, что реальность на их картинах распадается на части.

Анна чуть прищурила серые глаза и тихо поинтересовалась:

— А тот франт в желтом бархатном костюме и с красным бантом на шее?

Линьков взглянул на «франта».

— Этого не знаю, — сказал он. — Наверняка какой-нибудь бездарный мазила. Их много таскается за Пикассо.

— У него приятная внешность. Если бы не одежда...

— На Монмартре встречается множество подобных попугаев. Если хотите, можем прогуляться по Монмартру.

— Да, конечно. — Анна вдруг покраснела и отвела взгляд от группы молодых художников.

Линьков заметил ее смущение и вновь недовольно взглянул на группу художников. Парень в желтом костюме, о котором они только что говорили, неотрывно смотрел на Анну. Только сейчас Линьков разглядел, что, несмотря на идиотскую одежду, он был замечательно хорош собой. Смуглое лицо с правильными чертами, густые черные волосы, зачесанные назад, спокойный, доброжелательный взгляд. Он был похож на знатного аристократа, по какой-то странной прихоти напялившего на себя яркие лохмотья.

Вдруг мужчина в желтом костюме поднялся со стула и двинулся к их столу. Линьков нахмурился еще больше. Он знал, что эти чертовы художники, напившись вина, превращаются в настоящих буянов. Их не пугает даже полицейский участок. Ладно, пусть идет. Если позволит себе грубость, придется отвесить ему пару хороших тумачков.

Красавец остановился возле стола, поклонился Анне и сказал по-французски с легким итальянским акцентом:

— Мадам, позвольте вам сказать, что вы самая красивая женщина в Париже. Я художник и говорю это со знанием дела.

Анна взглянула на нечаянного собеседника с любопытством. Незаметно было, чтобы она смутилась. Негромкий голос художника казался горячим, походка — стремительной и летящей, лицо — спокойным, чистым и бесстрашным, как у ангела-воителя, низвергнувшего Люцифера в адскую пропасть.

— Мсье, если вы не заметили, дама здесь не одна, — грубо проговорил Линьков.

Художник на него даже не взглянул.

— Вы смотрели на меня, — снова заговорил он, обращаясь к Анне. — Прежде всего...

— Прежде всего вы забыли представиться, — сказала Ахматова спокойно.

— В самом деле? — Мужчина смутился. — Иногда я бываю дьявольски неучтив. Но это не из-за невоспитанности, а по рассеянности. Меня зовут Амедео Модильяни. Я художник.

— И, конечно же, гениальный? — с усмешкой спросил Линьков.

Модильяни скользнул взглядом по его лицу и небрежно проговорил:

— Полагаю, это вопрос риторический, и мне не нужно на него отвечать. — Он вновь перевел взгляд на Анну. — Мадам, я бы хотел написать ваш портрет с египетским убором на голове. Думаю, в одном из прошлых воплощений вы вполне могли быть женой египетского фараона. Это читается в вашем лице. И не только в лице. Эта длинная гордая шея, этот изящный, полный достоинства поворот головы...

А в ваших северных глазах таится поистине южная страсть. Вы согласитесь мне позировать?

— Послушайте, вы... — зарокотал Линьков и стал угрожающе подниматься с места.

Анна положила ему руку на предплечье:

— Андрей Иванович, прошу вас, не надо затевать скандал.

Модильяни взглянул на бывшего поручика открытым, смелым взглядом.

— Париж кормится скандалами, — сказал он с холодной улыбкой. — И время от времени я даю ему эту пищу.

Несколько секунд Линьков и художник смотрели друг другу в глаза. Если бы взглядом можно было убить, оба были бы уже мертвы.

Анна поняла: еще немного — и эти двое набросятся друг на друга, как дикие звери. Нужно срочно что-то предпринять. Она вынула из кармана платок, положила на край стола, а затем осторожно столкнула его локтем на пол. Модильяни среагировал мгновенно. Он быстро нагнулся, поднял платок и с учтивым поклоном протянул его Анне.

— Благодарю вас, — улыбнулась она.

— Чертов итальяшка! — выругался поручик Линьков по-русски.

Модильяни вперил в него пылающий взгляд.

— Мсье, позвольте вам напомнить, что вы находитесь в Париже. Сובлаговолите говорить по-французски.

— Я буду говорить на том языке, на каком захочу! — все более закипая, заявил Линьков и опять по-русски.